УДК 327

Татьяна ИСАЧЕНКО

Ирина МЕДВЕДКОВА

РОССИЯ – ЕС: ТОРГОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАК ОСНОВА ПЕРСПЕКТИВ ДВУСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация. В течение последних трёх десятилетий политический климат и экономическое процветание европейского континента в значительной степени зависят от состояния отношений России и ЕС. Правовая база взаимного торгово-экономического взаимодействия, заложенная в Соглашении о партнёрстве и сотрудничестве, впоследствии была дополнена. Присоединение России к ВТО расширило правовую основу двусторонних отношений. В то же время экономические (финансовый кризис 2008–2009 гг.) и политические (конфронтация в Грузии, начало Восточного партнёрства, Соглашение о глубокой и всеобъемлющей свободной торговле между Украиной и ЕС) проблемы заблокировали и фактически свели на нет все предыдущие достижения и положительные эффекты первоначальных соглашений, поставив под сомнение саму возможность вывода партнёрства на новый уровень. Цель настоящей статьи в анализе ключевых барьеров развития сотрудничества на современном этапе, возникающих в результате усиления действия политического фактора, а также состояния торговых споров и выявление перспектив развития сотрудничества. Ввиду принципиальной важности и преобладания неэкономических, а преимущественно политических факторов в отношениях Россия – ЕС, для рассмотрения существующих проблем авторы предлагают использовать методологию эмпирического анализа.

Ключевые слова: торгово-политическое регулирование, торговая политика, многосторонняя торговая система, торговые споры, Россия – ЕС.

Концептуальные основы анализа экономического сотрудничества между Россией и ЕС

Торговая политика является одним из ключевых аспектов современной экономической дипломатии России и важным фактором макроэкономического развития страны [Исаченко, 2015]. Отношения с ЕС как с ближайшим партнёром традицион-

© **Исаченко Татьяна Михайловна** – доктор экономических наук, профессор МГИМО (Университета) МИД России. **Адрес:** 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76. **E-mail:** isachenko@mgimo.ru

Медведкова Ирина Александровна – кандидат технических наук, доцент НИУ-ВШЭ. **Адрес:** 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. **E-mail:** imedvedkova@hse.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope3201992103>

но имели крайне важное значение как с точки зрения насыщения российского рынка, так и в качестве источника инвестиций. Однако политический кризис последних лет отчётливо продемонстрировал низкую резистентность двусторонних экономических связей к политическим решениям и их уязвимость в угоду сиюминутным геополитическим интересам, что обуславливает необходимость выработки нового методологического подхода к их анализу.

Концептуальной основой анализа взаимодействия Россия – ЕС служат теоретические концепции от наиболее ранних до современных. В отношении Россия – ЕС получила отражение концепция абсолютных издержек и сравнительных преимуществ А. Смита (1776) и Д. Риккардо (1817), подтверждающая статические и динамические эффекты ограниченного набора факторов: экспортируя имеющиеся в изобилии сырьевые ресурсы, страна приобретала товары и технологии, не производимые в национальной экономике. Географическая близость Европы и её заинтересованность в поставках минерального сырья обусловили взаимозависимость. Позднее концепции Э. Хекшера и Б. Олина в 1930-х гг. и В. Леонтьева в середине 1950-х гг. дополнили эту теорию анализом обеспеченности комбинациями различных факторов, что стало актуально для России в 2000-е гг.

Неоклассическая теория позволяет утверждать, что экспорт природных ресурсов играет значительную роль, если их использование поддерживается интенсивными инвестициями. Это объясняет зависимость России от инвестиций со стороны ЕС, который, в свою очередь, является наиболее заинтересованным в сотрудничестве с Россией в энергетическом секторе, в частности с точки зрения капиталовложений в усовершенствование инфраструктуры и стабильности добычи.

Шведский экономист Г. Мюрдал [Murdal, 1956] полагал, что к факторам внешнеэкономической политики относятся исторические традиции, национальное единство, религии и идеология, а также интересы социальных и политических групп. Современное развитие является лучшим доказательством того, как идеологические и политические факторы влияют на регулирование двусторонних отношений. В рамках взаимодействия с ЕС у России есть потенциал для расширения участия в региональных и глобальных производственных цепочках, но его реализация требует институциональной и нормативной корректировки на национальном и евразийском уровнях. Важные аргументы можно найти в работах Дж. Бхагвати, исследовавшем фактор спроса в развитии сотрудничества [Bhagwati и др., 1998]. Учитывая взаимодополняемость экономик России и ЕС, спрос и фактор транспортных издержек должны играть позитивную роль в налаживании эффективных связей. Так, в частности, поставки энергоносителей из России в ЕС остаются чрезвычайно важными для обоих партнёров, несмотря на естественное желание ЕС избежать высокого уровня зависимости от одного поставщика.

Таким образом, теоретические положения позволяют утверждать, что существуют фундаментальные предпосылки взаимовыгодного сотрудничества и могут быть определены направления его совершенствования. Однако на практике данные концептуальные выводы не получают подтверждения, а современная ситуация идёт вразрез с ними.

Эволюция правовой базы двусторонних отношений

С 1990-х гг. двусторонние отношения между Россией и ЕС не ограничивались лишь экономическими вопросами. Стратегическое партнёрство, основанное на общих интересах и целях развития, обеспечивалось посредством двустороннего формата РФ – ЕС и в рамках ключевых международных площадок¹.

Правовую основу торгового взаимодействия заложило Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве (СПС)², ставшее всеобъемлющим документом в практике российской торговой политики³ и охватившее все сферы экономического и финансового сотрудничества, распространив на них принципы и нормы ГАТТ/ВТО.

Преимущества СПС не оградили торговых партнёров от сложностей, возникших в конце 1990-х гг. В ряде случаев стороны не выполняли принятые обязательства. Россия не смогла полностью адаптировать национальное законодательство к требованиям Соглашения⁴. Со стороны ЕС нарушения также имели место⁵.

Новые проблемы вскрылись в процессе переговоров по присоединению России к ВТО⁶. Признание в 2007 г. Евросоюзом за Россией статуса страны с “рыночной экономикой” не решило проблему дискриминации российских предприятий при проведении антидемпинговых расследований. На протяжении десяти последних лет ЕС “совершенствовал” методику расчёта демпинговой маржи, адаптируя её под вызовы мировой торговой конъюнктуры. В 2017 г. в рамках широкой повестки дня по защите интересов европейских производителей узаконил “новую методологию расчёта демпинговой маржи при импорте из третьих стран в случае существенного искажения рыночного равновесия или широкомасштабного государственного вмешательства в экономику”⁷. Эти правила, по данным Еврокомиссии, сформулированы нейтрально в отношении стран-партнёров и полностью соответствуют обязательствам ЕС в ВТО⁸. Публикацию изменений антидемпингового регламента ЕС

¹ ООН, Совет Европы, ОБСЕ, ВТО.

² Хотя считается, что де-факто отношения вступили в новую стадию развития ещё в 1991 г.

³ Соглашение охватило торговлю услугами, велись переговоры по разработке процедуры разрешения двусторонних споров.

⁴ Речь идёт о ряде положений Таможенного кодекса, Закона о государственном регулировании внешней торговли в части определений, а также о некоторых конкретных нормативных актах, регламентирующих, пример, оборот алкогольной и спиртосодержащей продукции и т. д.

⁵ В 2000 г., не завершив консультации с российской стороной согласно СПС, ЕС ввёл ограничения на импорт российской стали. Из-за одностороннего нарушения европейской стороной соглашения Россия – ЕС по стали контракты на сумму более 50 млн евро были аннулированы, что нанесло ущерб как российским экспортёрам, так и потребителям из ЕС. URL: http://www.mid.ru/materialy-po-voprosam-ekonomiceskogo-razvitia-rossii/-/asset_publisher/oSUNZRJVOK4D/content/id/604832.

⁶ Например, вопрос о предоставлении “рыночного статуса” при проведении антидемпинговых расследований в отношении российских производителей.

⁷ URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-17-3668_en.htm.

⁸ В настоящий момент в ЕС применяются 9 антидемпинговых мер в отношении российских товаров. В 2015 г. Евросоюз продлил до 2020 г. антидемпинговые пошлины на сварные трубы из Российской Федерации и Республики Беларусь, по итогам расследования принял

Европейская Комиссия сопровождала первым страновым докладом, предусмотренным законодательством. Выбор пал на Китай, являющийся в настоящий момент основным “нарушителем” на ценовом рынке ЕС. Существуют все основания предполагать, что следующий доклад будет о России, оспаривающей данную методику в ВТО.

Не менее значимой проблемой в двусторонних отношениях Россия – ЕС остаются вопросы, связанные с обеспечением энергетической независимости европейской экономики и соблюдением правил конкуренции в данной сфере. В этой части Евросоюз также проявляет завидную нормотворческую креативность, “совершенствуя” правовые нормы. “Третий энергетический пакет”¹ ЕС дал России основания для обращения в суд ВТО.

Наметившийся вектор развития предопределил необходимость формирования Нового базового соглашения [Emerson и др., 2006]. Подход России состоял в том, что это должно было быть либо Соглашение о свободной торговле (ЗСТ), либо документ, который вёл бы к созданию ЗСТ. Все 12 раундов переговоров оказались безрезультатными и полностью прекратились в 2014 г. из-за политической конфронтации в Украине. Формирование Евразийского экономического союза (ЕАЭС) дополнительно осложнило процесс поиска компромисса.

По мнению авторов, расхождения между сторонами обусловлены следующими фактами: обе стороны отстаивают законные интересы в регионе из-за географической близости и/или сложившихся исторических связей; обе стороны отстаивают позицию, о том, что другая сторона ведёт политику принуждения в отношениях с соседями по принципу “выбирай или – или” (с ЕС или с Россией/ЕАЭС); каждая из сторон уверена, что лучше представляет интересы стран, затронутых их интеграционными инициативами; стороны обвиняют друг друга в излишнем давлении на соседей, затронутых интеграцией, в целях решения своих внешнеполитических задач.

Торгово-экономическая взаимозависимость, признаваемая обеими сторонами, могла бы способствовать развитию кооперации, прежде всего на основе деполитизации торгово-экономических вопросов и поступательного их решения на так называемом экспертном уровне. В перечень тем могут войти вопросы упрощения процедур торговли, согласования правил происхождения товаров, продвижение единых инициатив по упрощению процедур осуществления инвестиций², а также вопросы нетарифного регулирования, включая взаимное признание, где это допустимо, технических стандартов [Винокуров Е. и др., 2016].

В то же время современная торговая политика не может быть эффективной без тесной связи с промышленной политикой, определяющей стратегию национальных фирм. Промышленный диалог между ЕС и Россией также стал “жертвой” полити-

решение о применении антидемпинговой меры в отношении российской трансформаторной стали, начал антидемпинговое расследование в отношении холоднокатаного плоского проката и ввёл предварительную пошлину в рамках антидемпингового расследования в отношении алюминиевой фольги из России.

¹ Порядковый номер “третий”, присвоенный законодательству, не случаен и отражает нормотворческую динамику ЕС по совершенствованию вопросов регулирования законодательства Евросоюза по либерализации газового и электрического рынков.

² В 2017 г. работа начата в формате плюрилатерального обсуждения на площадке ВТО.

ческой конфронтации, а нынешнюю ситуацию, безусловно, можно назвать худшей в истории регулирования двустороннего торгово-экономического сотрудничества. Тем не менее постиндустриальный этап развития и экономика, основанная на знаниях, требуют того, чтобы приоритеты торговли и инвестиционного взаимодействия между Россией и ЕС были направлены на создание наукоёмкой продукции, технологий и интеллектуальной собственности, а формирование торговой политики в отношении Россия – ЕС осуществлялось органами государственной власти в тесном взаимодействии с национальными компаниями с учётом стратегических интересов в соответствии с существующими многосторонними и двусторонними государственными договорённостями.

Экономические “санкции” в системе взаимного торгово-политического регулирования

В настоящее время проблемы двусторонних отношений между Россией и ЕС как её главным экономическим партнёром в значительной степени осложнены принятыми торгово-политическими мерами, получившими название санкций¹ [European Parliament, 2014]. Резкое изменение политической ситуации в Европе и мире, введение ограничительных мер в торгово-инвестиционной сфере оказали серьёзное негативное влияние на двусторонние контакты и приоритеты торговой политики [Averre, Wolczuk, 2016]. Политика санкций выявила проблему чрезмерной зависимости России от одного партнёра и отсутствия реальных проектов за пределами европейского континента. Нынешние ограничительные меры превосходят все возможные прогнозы и ожидания. Начиная с 2014 г. ЕС и США ввели самые жёсткие экономические санкции против России со времени окончания холодной войны, а сами меры стали наиболее чувствительными для России и ЕС за всю историю развития двусторонних отношений. Некоторые эксперты считают, что наиболее острые и серьёзные последствия санкций проявились в первые 1,5–2 года после их введения; впоследствии шоковый эффект прошёл, воздействие постепенно ослабевало. Российская экономика даже приспособилась к текущей ситуации, однако не удалось добиться динамики предыдущих лет. Количественные оценки влияния санкций, представленные многими экономистами [Гурвич, Прилепский, 2016; Широков А. и др., 2015], существенно разнятся (от 0,5% до 9% снижения ВВП). По данным МВФ [IMF, 2015], западные санкции и российские контр-санкции первоначально снизили реальный ВВП России на 1–1,5%. В среднесрочной перспективе МВФ оценил размер совокупных потерь российской экономики на уровне 9%. Аналитики Ситибанка [Citybank, 2015], применив для анализа модель векторной авторегрессии, полагают, что около 90% наблюдаемого снижения ВВП объясняется падением цен на нефть. Эксперты, проанализировавшие влияние санкций на российские финансовые рынки [Chang, 2017], также пришли к выводу, что цена на нефть является определяющим фактором изменения конъюнктуры российских финансовых рынков. Анализ последствий санкций для российского бизнеса позволяет

¹ Название данных мер является, по мнению авторов, достаточно условным, поскольку классическое понятие санкций определяется их прохождением через Совет Безопасности ООН.

увидеть, что компании, попавшие под ограничения, потеряли половину своей рыночной стоимости и четверть операционных доходов, что означает, что санкции “сработали”, как и было задумано, “точечно”, не нанеся ущерб другим российским компаниям [Гурвич, Прилепский, 2015]. Данное утверждение, однако, представляется спорным, поскольку помимо экономического воздействия жёсткая политическая конфронтация привела к полному нарушению экономических и политических контактов и расторжению некоторых контрактов, а также к ограничению научных и гуманитарных контактов и совместных исследований. По мнению авторов, эти проблемы делают оценку общего воздействия санкций чрезвычайно трудной, если не невозможной.

Содержание и влияние европейских санкций получило достаточное освещение в российской научной литературе, однако гораздо меньше внимания уделено мерам, введённым российской стороной. По данным доклада Еврокомиссии о торговых и инвестиционных барьерах за 2017 г., в отношении европейского бизнеса в настоящий момент действуют 36 российских ограничительных мер. Самым защищаемым, по мнению ЕК, сектором остаётся автомобилестроение. С января 2017 г. Россия ввела дополнительные ограничения на доступ иностранных компаний к закупкам российских государственных торговых предприятий (ГТП). Новая мера зафиксировала 15-процентное ценовое предпочтение для отечественных компаний, участвующих в торгах. В конце 2017 г. российское правительство приняло закон о требованиях к содержанию местных компонентов при приобретении ГТП самолётов и кораблей, в 2017 г. доступ был закрыт для радиоэлектроники (оборудование для аэронавигационной системы ГЛОНАСС и электронные сигнализаторы безопасности движения), а также мебели.

Определённые трудности для европейских производителей возникли в результате применения запретов на экспорт шкур, кожевенного сырья и круглой древесины, направленные на защиту внутреннего рынка, а также изменения в налоговом регулировании¹. Серьёзным барьером является требование использования судов под российскими флагами для транспортировки углеводородов и угля по Северному морскому пути. С одной стороны, нехватка финансирования у российских судовладельцев под увеличивающиеся потребности перевозок в Арктике может создать стимулы для иностранных компаний реализовывать совместные проекты, в том числе посредством перерегистрации судов в России. С другой стороны, зарубежный флаг судна упрощает привлечение иностранного финансирования, что в современных геополитических условиях практически невозможно для судов, зарегистрированных в РФ.

Особый урон европейским производителям нанесло продовольственное эмбарго, позволившее приступить к реализации политики импортозамещения как части

¹ В 2017 г. из-под действия льготных ставок акцизов на вина с защищенным географическим указанием (ЗГУ), а также с защищенным наименованием места происхождения (ЗНМП) выведена импортная продукция. Фактически Минфин и ФТС России признали, что винодельческой продукцией с ЗГУ и ЗНМП можно считать только вина, произведённые в России, что, по мнению представителей этих ведомств, следует из Налогового кодекса и отраслевого закона по государственному регулированию рынка алкоголя.

“доктрины продовольственной безопасности”¹ и правительственной программы развития сельского хозяйства, рыболовства и регулирования агропродовольственных рынков на период 2013–2020 гг.²

Важно отметить, что любые ограничительные меры требуют обоснования с точки зрения правил ВТО. Такой анализ осуществляется в рамках системы разрешения торговых споров на основе имеющихся прецедентов. На наш взгляд, основная проблема заключается в попытке оправдать ограничительные меры XXI статьей ГАТТ об обеспечении национальной безопасности, в отношении которой до начала 2019 г. не существовало прецедентов. Недавнее решение Третейской группы по спору “DS512: Россия – Меры по транзитным перевозкам” в отношении запрета транзита украинских товаров по территории Российской Федерации создало первый прецедент в вопросе интерпретации статьи XXI ГАТТ в ВТО³, что позволяет говорить о возможности использования данной статьи. Однако к российским мерам она может быть применена лишь с определённым допущением. Существуют основания полагать, что вряд ли современные “санкции” имеют шанс на оспаривание в ВТО [Исаченко, 2015].

Двусторонние торговые споры в рамках ВТО

Багаж взаимных торгово-экономических претензий, получивший политический импульс, запустил процесс противостояния на площадке Органа по разрешению споров (ОРС) ВТО. Негласное правило на так называемый “медовый месяц” с ВТО в первые годы членства в отношении России не сработало⁴.

Первый спор был инициирован ЕС в первый же год членства РФ в ВТО. Сейчас на площадке ВТО между Россией и Евросоюзом паритет: 4 иска от каждой стороны. Экспертное объяснение простое: наличие большого числа нерешённых двусторонних проблем, имеющих к тому же серьёзную политическую подоплеку; принцип взаимности, применяемый в классической торговой дипломатии и предусматривающий обязательный ответный ход; стагнация самой организации (прежде всего вышедшая из-под контроля система разрешения споров).

Первый иск ЕС по вопросу введения утилизационного сбора на импортные транспортные средства выявил нарушения российской стороны и был урегулирован

¹ По данным Европейской комиссии, запрещённые агропродовольственные товары составили более 5 млрд евро от экспорта ЕС в Россию в 2013 г. (5,5% от общего объёма экспорта ЕС в Россию в то время). Несмотря на выявление нарушений, незаконных поставок и ре-экспорта запрещённых продуктов питания ЕС через третьи страны, такие как Беларусь и Сербия, российский запрет на импорт был относительно эффективным.

² “Продовольственное эмбарго: импортозамещение и изменение структуры внешней торговли”. Бюллетень о развитии. № 11/2015, Аналитический центр при Правительстве РФ.

³ В апреле 2019 г. Третейская группа ВТО признала правомерность оспариваемого Украиной российского запрета на транзит грузов, принятый по соображениям обеспечения национальной безопасности. Данное решение стало первым прецедентом рассмотрения спора по данной статье, при этом, однако, создало основу для её использования с целью оправдания мер других стран без конкретизации трактовки.

⁴ Китай, будучи крупным игроком в международной торговой системе, присоединившимся к ВТО в 2001 г., получил первый иск только спустя 4 года, Саудовская Аравия – спустя 12 лет.

на этапе консультаций посредством восстановления национального режима. Ответным шагом стал запрос России к ЕС в отношении регламента Совета ЕС №1225/2009 от 30 ноября 2009 г. о защите от демпингового импорта из стран, не являющихся членами ЕС. По мнению РФ, используемая ЕС методология расчёта нормальной стоимости в отношении продукции цветной металлургии и химических товаров, именуемая “энергокорректировками”, не соответствует Антидемпинговому соглашению и Соглашению по субсидиям и компенсационным мерам ВТО. Первоначально России было не просто оспорить в ретроспективном порядке Регламент ЕС 2009 г. Однако в 2015 г. иск был принят ОРС. Основание дали продление срока действия регламента и поправки в законодательство ЕС с “нейтральным по отношению ко всем странам подходом”. Примечательно, что в 2018 г. Третьейская группа (ТГ) встала на сторону России в споре с Украиной, заимствовавшей у ЕС подобную методологию корректировки стоимости. Учитывая схожесть споров, а также использования прецедентного права в системе ВТО, можно говорить о наличии у России хороших шансов¹ на победу в данном споре.

Предметом следующего ожидаемого спора (апрель 2014 г.) стали оспариваемые РФ меры, связанные с директивами Третьего энергетического пакета, направленные по замыслу ЕС на установление правил создания и функционирования единого газового рынка². В 2018 г. ТГ приняла решение о незаконности количественных ограничений на российский газ, поставляемый по трубопроводу OPAL. Речь идёт об ограничениях на 50% использования пропускной способности трубопровода; требовании о реализации определенного количества газа на открытом рынке; дискриминационных правилах сертификации литовских, венгерских и хорватских операторов систем транспортировки газа, контролируемых иностранными лицами; дискриминационных преференциях, предоставляемых инфраструктурным проектам и определяющих их как “проекты общего интереса”, если они нацелены на поставку газа любого другого происхождения, кроме газа российского происхождения. По мнению авторов, принятые решения могут улучшить условия поставки российского газа на рынок ЕС, и, следовательно, представляют коммерческий интерес для российских поставщиков газа. Позитивный прецедент мог изменить законодательство ЕС и его отдельных стран-членов. Однако в сентябре 2018 г. ЕС подал апелляцию, рассмотрение которой откладывается на неопределённый срок ввиду описанного выше кризиса ВТО.

Не менее резонансным в двусторонних отношениях РФ – ЕС стал спор в отношении российского запрета на ввоз живых свиней и свинины из всех стран ЕС после зарегистрированных случаев африканской чумы свиней (АЧС) в Эстонии, Латвии, Литве и Польше. Арбитры признали характер меры более ограничительным,

¹ Дополнительными аргументами в этом деле должны стать и решение Апелляционного органа по спору Аргентины “ЕС-биодизель”, а также результаты ожидаемого расследования с аналогичными претензиями, инициированного Китаем.

² Разделение прав собственности на вертикально интегрированные предприятия, распределение газотранспортных мощностей, правила сертификации для операторов сетей и для терминалов сниженного природного газа (СПГ), а также регулирующие создание и развитие европейской энергетической инфраструктуры, включая “проекты, представляющие общий интерес”.

чем это необходимо для предотвращения распространения АЧС. Апелляционный орган преимущественно поддержал ТГ. ЕС было предписано активизировать борьбу с заболеванием. Российская Федерация добросовестно в полном объеме выполнила рекомендации ОРС¹.

Антидемпинговые пошлины на лёгкие коммерческие автомобили из Германии (29%) и Италии (23%) стали первой оспариваемой в ВТО российской защитной мерой, распространявшей свое действие на все страны – участницы ЕАЭС. ТГ выявила нарушения со стороны России, отклонив, однако, большинство претензий ЕС. В 2018 г. Россия уведомила ВТО о полном исполнении рекомендаций, носивших номинальный характер, т.к. за время проведения расследования истек 5-летний период действия обжалованной ЕС меры.

Ещё один интересный прецедент, инициированный в 2014 г., касался тарифного режима РФ, установленного в отношении ряда товаров сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности. ЕС намеревался продемонстрировать случаи очевидных нарушений. В данном споре ТГ без особого труда выявила нарушения Россией тарифных обязательств, а РФ не стала оспаривать конкретные примеры ЕС, однако успешно опровергла претензию о систематическом характере подобных действий.

Многосторонняя площадка торговых переговоров: ЕС и Россия

Как показывает история существования ВТО, споры и взаимные претензии по отдельным мерам не являются препятствиями на пути двустороннего и многостороннего диалога. Встраивание отношений Россия-ЕС в многосторонний контекст может и должно стать стабилизирующим фактором. Россия и ЕС декларируют приверженность многостороннему формату, объявляя его приоритетом своей внешнеэкономической политики. Сегодня в контексте санкций двусторонние торгово-политические контакты проще осуществлять на многосторонних площадках, а единый вектор инициатив должен сработать катализатором в этом вопросе.

В настоящий момент на площадке ВТО определенно просматривается возможная конвергенция позиций России и Евросоюза по так называемым “новым” переговорным вопросам. В части электронной коммерции появились предложения по процедурам и содержательному наполнению этого переговорного трека. Позиции, представленные Россией² и ЕС³, дополняют друг друга в значительной степени, создавая фундамент для кооперации на экспертном уровне. Перечень вопросов для предстоящей проработки также попадает в зоны интересов обеих сторон: транспа-

¹ Коллизия по этому спору в ВТО заключается в том, что в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560 и Постановлениями Правительства Российской Федерации от 7 августа 2014 г. № 778 ввоз живых свиней и продуктов из свинины, происходящих из государств, которые приняли решение о применении экономических санкций в отношении физических и/или юридических лиц Российской Федерации, в частности ЕС и его государств-членов, по-прежнему запрещён.

² JOB/GC/96 от 11.07.2016 и JOB/GC/96/rev. 1 от 14 июля 2016 г. (Япония, Россия, Гонконг, Пакистан, Тайвань, Сингапур).

³ JOB/DC/97/Rev.3 от 1 августа 2016 года (ЕС, Канада, Чили, Колумбия, Кот-д’Ивуар, Корея, Мексика, Парагвай, Сингапур, Черногория).

рентность, защита интересов онлайн-потребителей, упрощение торговых процедур, либерализация доступа на рынок [Исаченко, Медведкова, 2019].

Идея обсуждения вопросов инвестиционного сотрудничества, получившая развитие на площадке ВТО, также находит позитивную поддержку у обеих делегаций, активно содействующих дискуссии по разработке новых правил упрощения процедур осуществления инвестиций.

Получившие новый импульс переговоры по вовлечению микро-, малых и средних предприятий (ММСП) в международную торговлю объединили ЕС и РФ в одной группе в рамках начатого весной 2017 г. диалога “Друзей ММСП”¹. Аналогичное единство взглядов демонстрируют и переговоры по услугам, на которых в преддверии 11-й Министерской конференции делегациям удалось согласовать единый переговорный текст по дисциплинам внутреннего регулирования в услугах².

Однако на фоне сложной геополитической ситуации в мире наиболее противоречивым и насущным из всех переговорных направлений является судьба самой ВТО.

В конце 2018 г. ЕС представил на площадке ВТО “концептуальный документ”³, содержащий конкретные предложения по реформе в части нормотворчества, разрешения споров (рекомендации для Апелляционного органа), обеспечения транспарентности. Помимо прочего речь идёт о создании более строгих правил в отношении государственных торговых предприятий, “искажающих рынок субсидий”, устранении барьеров для инвестиций в торговле услугами, разработке норм, препятствующих принудительной передаче технологий.

Россия также является активным сторонником идеи конструктивного реформирования организации. Положительным сигналом и одним из возможных “небольших шагов”, стабилизирующим двусторонние отношения и одновременно подтверждающим намерения России и ЕС скоординировать усилия по реформированию основного института многосторонней торговли, стало анонсированное в рамках Совета по экономическим, финансовым, промышленным и торговым вопросам намерение о создании специальной рабочей группы на министерском уровне по реформированию ВТО, учредителями которой станут Россия и Франция.

Перспективы торгового регулирования – поиск альтернатив

Необходимость правовой формализации двусторонних торгово-экономических отношений Россия – ЕС по-прежнему актуальна. Сейчас трудно представить нацеленность партнёров на формирование зоны свободной торговли; скорее речь может идти о регламентации сотрудничества в вопросах обоюдной значимости⁴.

¹ Россия, Аргентина, Бразилия, Бруней, Вьетнам, Гватемала, ЕС, Колумбия, Корея, Коста-Рика, Малайзия, Мексика, Молдавия, Пакистан, Панама, Парагвай, Перу, Сингапур, Тайвань, Филиппины, Чили, Швейцария, Уругвай, Япония.

² Мандат Статьи VI:4 ГАТС.

³ URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2018/november/tradoc_157514.pdf.

⁴ Например, таможенное сотрудничество, борьба с контрафактной продукцией, транспортное сотрудничество, техническое регулирование, санитарный и ветеринарный контроль и т.д.

Очевидно, что вопросы торговой политики должны решаться на уровне ЕАЭС. В настоящее время целесообразно уделить внимание переговорам с отдельными членами ЕС в рамках их компетенции, а затем адаптировать “лучшие практики” и решения на уровень ЕАЭС – ЕС.

Попытка формирования глубокой и всеобъемлющей ЗСТ между ЕС и Украиной привела к возникновению одного из наиболее сложных геополитических конфликтов. Накопившаяся напряжённость в европейском регионе, санкции, распад проекта “Европа от Лиссабона до Владивостока” подвели стороны к выводу о необходимости поиска новых путей восстановления диалога. Сложившаяся ситуация свидетельствует о дефиците эффективных переговорных площадок для развития сотрудничества между ЕС и Россией, ЕС и ЕАЭС.

Переговоры в новых условиях должны быть менее амбициозными, начинать их придётся фактически с самого начала. Предыдущий опыт является значимым с точки зрения выявления потенциальных возможностей, однако следует учитывать новые реалии. В настоящее время ни ЕАЭС, ни ЕС не заинтересованы в ЗСТ. С учётом членства в ВТО дальнейшее снижение тарифов и либерализация торговли услугами, представляющие интерес для ЕС, не выгодны прежде всего России и приведут к ещё большей асимметрии торговых отношений. Наиболее эффективным может стать промышленный диалог и научное сотрудничество в областях, представляющих взаимный интерес. Важное значение имеет аналитическое, экспертное и академическое сопровождение, а также постоянный диалог на основе прагматичного подхода, свободного от политической конфронтации.

Список литературы

Винокуров Е., Перебоев В. (2016) Европейский союз и Евразийский экономический союз: долгосрочный диалог и перспективы соглашения, *Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития (ЦИИ ЕАБР)*, Санкт-Петербург, Россия, 40 с.

Гурвич Е., Прилепский И. (2015) Влияние финансовых санкций на российскую экономику, *Вопросы экономики*, Т. 1, вып. 4, с. 359–385.

Перебоев В. (2017) Евросоюз начинает терять рынки стран Евразийского Союза, *Центр интеграционных исследований Евразийского Банка Развития (ЦИИ ЕАБР)*, Санкт-Петербург, Россия.

Исаченко Т.М. (2015) Экономическая дипломатия в условиях политического кризиса, *Вестник СПбГУ*, серия 5 “Экономика”, вып. 3, с. 46–65.

Исаченко Т.М., Медведкова И.А. (2019) “Современные проблемы переговоров в ВТО”, в кн.: *Международные экономические отношения: реалии, вызовы и перспективы*, МГИМО-Университет, с. 362–371.

Широв А.А., Янговский А.А., Потапенко В.В. (2015) Оценка потенциального влияния санкций на экономическое развитие России и ЕС, *Проблемы прогнозирования*, № 4, с. 3–16.

References

Averre, D., Wolczuk, K. (2016) The Ukraine Crisis and Post-Cold-War Europe, *Europe-Asia Studies*, vol. 68, pp. 551–555.

Bhagwati J., Panagariya A., Srinivasan T. (1998) *Lectures on International Trade 2d edition*, MIT Press, Cambridge, Massachusetts.

Chang F.K. (2017) Effectiveness of Economic Sanctions on Russia's Economy, *Geopolitics: FPRI*, available at: <https://www.fpri.org/2017/06/effectiveness-economic-sanctions-russias-economy> (accessed: 02.02.2019).

Citibank (2015) "Russia Macro View – Not too anxious about sanctions", available at: <https://ir.citi.com/Ns6%2BuSgO5bg45MCK6HCwlUVxbZo5TXkL%2BBRyQ2S19pKubi3rbFbTU255d6er4oAaBvV4bqrOgYE%3D> (accessed: 22.01.2019).

Emerson M., Tassinari F., Valh (2006) "The Elephant and the Bear Try Again. Options for a New Agreement Between EU and Russia, CEPS, Brussels", available at: <https://www.ceps.eu/publications/elephant-and-bear-try-again-options-new-agreement-between-eu-and-russia> (accessed: 08.02.2019).

European Parliament (2014) "The Russian Embargo: Impact on the Economic and Employment Situation in the EU, *European Parliament's Employment and Social Affairs briefing*", available at: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2014/536291/IPOL_BRI_2014536291_EN.pdf (accessed: 22.01.2019).

Gurvich E., Prilepskiy I. (2015) Vliyanie finansovyh sankcij na rossijskuyu e`konomiku, *Voprosy`e`konomiki*, vol. 1, issue 4, pp. 359–385.

Isachenko T. (2015) E`konomicheskaya diplomatiya v usloviyax politicheskogo krizisa, *Vestnik SPbGU*, series 5 E`konomika, issue 3, pp. 46–65.

Isachenko T.M., Medvedkova I.A. (2019) "Sovremennyye problemy peregovorov v VTO", in: *Mezhdunarodnyye ekonomicheskiye otnosheniya: realii, vyzovy i perspektivy*, MGIMO-Universitet, pp. 362–371.

International Monetary Fund (2015) "Russian Federation: 2015 Article IV Staff Report", available at: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2015/cr15211.pdf>, (accessed: 20.01.2019).

Myrdal G. (1956) *An International Economy: problems and prospects*, Harper & Brothers, New York, NY, USA, pp. 381.

Pereboev V. (2017) "Evrosoyuz nachinaet teryat rynki stran Evraziiskogo soyuza, *Centr integracionny`x issledovaniy Evrazijskogo Banka Razvitiya (CII EABR)*", available at: <http://eurasia.expert/evrosoyuz-nachinaet-terjat-rynki-stran-evraziyskogo-soyuza/> (accessed: 13.02.2019).

Shirov A. Yantovskiy V. Potapenko V. (2015) Ocenka potencial`nogo vliyaniya sankcij na e`konomicheskoe razvitiye Rossii i ES, *Problemy`prognozirovaniya*, № 4, pp. 3–16.

Russia – EU: Trade Regulation as a Future of Bilateral Relations

Authors: Isachenko T., professor of MGIMO (University). **Address:** 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. **E-mail:** isachenko@mgimo.ru

Medvedkova I., associate professor of National Research University – Higher school of Economics, **Address:** 20 Myasnitskaya Street, Moscow, Russia, 101000. **E-mail:** imedvedkova@hse.ru

Abstract. Over the past three decades, the political climate and economic prosperity of the European continent largely have depended on the state of interaction between Russia and the EU. The legal basis for mutual trade and economic cooperation, laid down in the Agreement on Partnership and Cooperation, was subsequently supplemented. Russia's accession to the WTO has expanded the legal basis of bilateral relations. At the same time, the economic (financial crisis of 2008–2009) and political (confrontation in Georgia, Eastern Partnership, Deep and Comprehensive Free Trade Agreement (DCFTA) between Ukraine and the EU) have created problems and effectively annulled all previous achievements and the positive effects of the original agreements, calling into question the very possibility of bringing the partnership to a new level. The purpose of this article is to analyze the key barriers to the development of cooperation at the present stage, the role of the political factor, as well as the state of trade disputes and prospects for the development of cooperation.

Key words: trade and political regulation, trade policy, multilateral trading system, Russia – EU, trade disputes.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope3201992103>